

I

КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ

Боль в запястьях не утихала. Александру казалось, что веревки, которыми ему связали руки, были сплетены из сотен железных колючих прутьев. Собственное дыхание заглушали шаги мужчины в красной вышитой золотом королевской мантии. На его морщинистом лице отпечатался след тяжелой вины. Он оставался во мраке, словно прячась от замершего перед ним изувеченного юноши. И все же одно Александр всегда видел отчетливо. С одного он не спускал глаз, надеясь в следующий раз увернуться, — с кожаной плети с крохотными шипами.

— Бог видит твои страдания, мой мальчик, — заговорил мужчина проникновенным голосом. — Каждая твоя слезинка смывает совершенные твоими родителями грехи.

Александр сжал губы и проглотил ком в горле. Он замерз, лежа от бессилия на полу. Тело ныло от боли и синяков, а в груди kloкотала страшная обида. Почему эти мучения повторялись из раза в раз?

— Г-где... моя мама?

Рука мужчины сжала плеть сильнее.

— Вы знаете, где она, мой принц, — ответил он тихо, и не будь Александр поглощен своим несчастьем, он слышал бы в этих словах нотки жалости. — Но я понимаю, что вы имеете в виду. Ваша мать не придет. Монаршие

особы сегодня заняты на Съезде Мировых Лидеров — собрании лжецов и лицемеров! А как кишат их души грехами! Не хватит страданий всех детей, чтобы их искупить!

Он опустил на колени перед принцем и взглянул в его безжизненные сиреневые глаза с подрагивающими белоснежными ресницами, в его румяное лицо с налипшими на лоб белыми волосами.

— Когда это закончится? — тихо спросил Александр, словно боялся, что любое слово заставит монаха оставить на его теле новый синяк.

Но тот лишь печально улыбнулся. Что за мысли царили в голове старика, всегда оставалось для него загадкой.

— Пока королева не откажется от греховных соблазнов. Иными словами, никогда.

* * *

Очередной бокал шампанского был отвергнут королевой Броук. Зная ее дурной нрав, официанты спешили удалиться к гостям поприветливее. Среди монархов она выглядела мрачнее всех и пышным светлым нарядам предпочитала бесформенные красные платья с глубоким вырезом на груди. Ее выжженные неоднократными окрашиваниями волосы были уложены на плече и обильно покрыты лаком, из-за чего казалось, что на голове королевы красуется блестящий бледно-желтый шлем. И хотя взгляды других королевских особ сочлились нескрываемым неодобрением, одна из них все же решила уделить Броук внимание.

— Славный вечер, вы не думаете? — Это был Герберт, известный германский деятель искусств и посол доброй воли.

Королева холодно ему улыбнулась. В ее голосе засквозил упрек:

— Я слышала, что Германская империя пренебрегает правилами и берет в политику мужчин, но была об этой стране лучшего мнения.

Герберт опустил смеющийся взгляд.

— Я слышал, что британская королева красноречива, но не думал, что удостоюсь чести в этом убедиться.

Лицо Броук смягчилось.

— Вы считаете, политика слишком опасна для мужчин? — поинтересовался Герберт.

— Мы стараемся ради вас, дорогой посол. Сорок три года понадобилось болезни, чтобы унести на тот свет почти девяносто процентов представителей вашего пола, а профессии вроде полицейских, военнослужащих и даже политиков становятся угрозой немногочисленным выжившим. Будет прискорбно, если такой красивый мужчина, как вы, умрет из-за своего же упрямства.

— Так значит, вашему младшему сыну претендовать на престол не стоит?

— С чего бы вообще кому-то на него претендовать? — Королева с усмешкой развела руками. — Ведь я здесь, перед вами. И корона на моей голове. Мне всего сорок пять, а Александру скоро исполнится только четырнадцать. Он еще совсем ребенок. Уж если так случится, что трон опустеет, то на него взойдет моя старшая дочь. Она справится.

Королева уставилась на официантку, и та поспешила к ней, придерживая поднос с шампанским.

— Посмотрим, может, хоть это не окажется дешевой выпивкой. — Броук взяла бокал за ножку и сделала глоток. — Годится, чтобы промочить горло. Иди.

Официантка покорно кивнула. Уходя, она легонько задела обнаженное плечо королевы и услышала за спиной недовольное:

— Подойти сюда!

Девушка сжалась, но собрала всю волю и бесстрашие, что сумела отыскать в себе, и развернулась. Проходившая мимо женщина задела поднос. Полдюжины бокалов покачнулись и, соскользнув с края подноса, разбились о мра-

морный пол. Шум привлек взгляды всех монарших особ, их дети перестали резвиться.

— Простите, простите, Ваше Величество! Я сейчас все... уберу, — залепетала девушка.

— Сначала ты подойдешь ко мне и получишь персональную повестку, — процедила Броук сквозь зубы.

— Повестку?

— Ты уволена.

— Я-я все оплачу...

— Боюсь, на это не хватит всей твоей месячной зарплаты, но дело вовсе не в разбитых стекляшках. Ты коснулась меня. Не мне тебя учить тому, как прислуге стоит относиться к знати.

По щеке официантки скатились слезы, губы задрожали от жалости к себе. Но ей хватило духу взмолиться:

— Простите меня, пожалуйста, я очень виновата! Но эта работа...

— Впредь ты будешь внимательнее следить за своими действиями. Хотя почтительное обращение вряд ли потребует посетителям дешевых кафе и клубов.

— Ч-что?

Броук сомкнула пальцы в замок. Не прошло и трех секунд, как к ней подбежала ее телохранительница.

— Марго, проследи за тем, чтобы эта девушка не смогла устроиться ни в одно место приличнее ночного клуба и придорожного кафе. Ее умений все равно не хватает для заведений уровнем выше, не говоря уже о домах аристократов.

Официантка всхлипнула и закрыла рот руками, стыдясь поднять взгляд на любого, кто был облачен в дорогое атласное платье или кашемировый костюм. Резкими шагами она направилась к выходу.

— Стой, — окликнула ее Марго.

Рука девушки уже лежала на ручке двери. В глазах на секунду блеснула надежда.

— Кто же, по-твоему, должен прибраться за тобой?

Она стояла неподвижно всего несколько секунд, а затем осмелилась поднять взгляд и обвести им каждого монарха, каждую высокомерную особу, что наблюдала за ее унижением, как за шоу; каждого, кто был избран родиться с полным банковским счетом и правом жить на налоги обычных работяг; каждого из тех, кого жизнь сама вознесла на неприступную вершину горы.

Досада в ее сердце поутихла, и она медленно поплелась к осколкам, чтобы сгрузить их в поднос. Не прошло и минуты, как все забыли о ней, а Герберт, пораженный выходкой Броук, подыскивал слова, чтобы охладить ее пыл.

— Говоря о ваших детях, — начал было он, — почему вы не привели их, как это сделали другие? Особенно Александра. Порадуйте же нас его присутствием хоть когда-нибудь.

— Когда-нибудь порадую, а пока он еще слишком мал для светского общества и окружения сотен девиц.

— Вам выпала радость родить мальчика. Такая редкость в наши дни. Он родился абсолютно здоровым?

— Он нимфае, родился с женскими внутренними органами, но это в прошлом. Одной операции хватило, чтобы избавиться от них и сделать так, как должно быть у мужчины внутри.

— Да уж... Болезнь не только убивает нас и меняет физическую сущность, но и пытается стереть наш пол на генетическом уровне.

— Чем же вы так не угодили природе?

— Природа здесь ни при чем. Это все люди. Третья мировая была прервана из-за этой эпидемии. Человечество еще никогда не объединялось так быстро после войн.

— Теперь мы знаем, что способны на это.

— И миллиарды покоятся в земле или же обратились в прах. Последствия этой искусственной болезни страшнее любой войны.

— Искусственной, вы сказали?

— Какой же еще?

— Бросьте! Лично я считаю, что все это не более чем слухи. Скорее уж я поверю, что природа больше не видела в вас, мужчинах, надобности. Посудите сами: женщины способны на все и даже больше. На то, на что не способен ни один мужчина, — рождение нового человека. Даже рожать друг от друга путем партеногенетического размножения*. Само по себе деторождение — это чудо. Из человека вылезает другой человек. С душой, разумом, с набором врожденных особенностей. Откуда все это берется? Особенно душа. Разве это не удивительно?

— Все так, но разве женщина может родить по собственному желанию?

— Если вы намекаете на то, что без вас, мужчин, не обойтись, то вы правы только отчасти. Сейчас 2034 год. Современная наука уже нашла способ оплодотворения и без естественного участия мужчин.

На лице Герберта мелькнуло оскорбленное выражение.

— Bravo! Вы только что обесценили значение всех мужчин.

— Неужели оно настолько ничтожно? Я всегда считала, что люди рождены для чего-то большего, чем спать друг с другом и выводить потомство, которое тоже будет спать друг с другом, чтобы вывести новое потомство. И так до конца света.

— Вы верите в конец света?

Броук нахмурилась.

— У того, что имеет начало, обязательно найдется конец.

* Одна из форм полового размножения организмов, при которой женские половые клетки (яйцеклетки) развиваются во взрослый организм без оплодотворения — (Прим. ред.).

Она вновь сцепила пальцы в замок, и Марго поспешила к ней.

— А сейчас, дорогой посол, если вы не против, я ненадолго отлучусь. Не скучайте. — Королева пожала ему руку на прощание и последовала за своей маленькой телохранительницей к выходу. Та уже собиралась открыть дверь, опустив ручку, но не услышала ожидаемого щелчка.

— Как странно, — прошептала Марго и повторила попытку.

— Что такое?

— Дверь, кажется, заперта, Ваше Величество.

— Что за глупости? — Броук вышла вперед, чтобы доказать обратное, но с пораженным лицом обернулась и произнесла: — Действительно, так и есть.

— Секунду, там должна стоять охрана. — Марго приблизилась к двери и тихонько постучала, говоря в щель: — Извините, не могли бы вы нам открыть?

За дверью послышался топот, словно кто-то бежал в тяжелых армейских ботинках. Королева напряглась и нервно сжала ткань платья.

— Отойди от двери, — прошептала она, отходя назад.

— Вы слышите нас? — не унималась Марго, прильнув ухом к двери.

— Отойди же!

— Они вот-вот...

Дубовая древесина разлетелась в щепки. Обезглавленное взрывом тело Марго упало рядом с королевой. Та не успела вскрикнуть от ужаса: на зал обрушился шквал пуль. Десяти секунд хватило людям в черной форме и шлемах, чтобы не оставить ни одной живой души.

Вперед выступил их глава. Держа палец на спусковом крючке автомата, он перешагивал через нашпигованные свинцом тела в поисках выживших. Он уловил едва слыш-

ные детские всхлипывания и направил автомат на кучу вздрагивающих тел, под которыми была заживо похоронена рыжая девочка лет двенадцати на вид. Ее некогда бежевое платье с пышными рукавами пропиталось чужой кровью. Она подняла большие голубые глаза на человека в черном впереди и застыла.

— Свидетели нам ни к чему, — напомнил главе один из бойцов в черном.

— Я знаю. — Из-за искаженного голоса девочка не могла понять, кто перед ней: мужчина или женщина. — Кажется, это принцесса из самой Российской империи. Какое будет горе для целой нации. Жанна, да?

Девочка неуверенно кивнула.

— Убивать людей, зная их лично, тяжелее, чем стрелять в безликую толпу, — признался глава нападавших. — Ты не виновата в том, что случилось. Поэтому умрешь с чистой совестью.

Жанна неуверенно покачала головой, чувствуя, как больно слезы обжигают глаза. Сама того не замечая, она пятилась назад, забираясь глубже под тела.

— П-пожалуйста, м-м-мистер.

Она услышала горестный вздох.

— Это слово работает далеко не всегда, милая, — дуло автомата уже смотрело на нее, — но аристократов этому не учат.

Жанна зажмурилась. Спусковой крючок был нажат, и отряд услышал выстрел.

ТО, ЧЕГО ОН ЖЕЛАЕТ БОЛЬШЕ ВСЕГО

Александр проснулся от легкой тряски. Перед глазами за стеклом лимузина под синим майским небом проносились сотни деревьев.

— Извините, что разбудил вас, но мы почти приехали, — объяснил Каспар, его телохранитель. У него был на редкость приятный баритон — нежный, но твердый. Музыка для ушей.

Александр проверил наручные часы. Одиннадцать сорок семь.

— Как долго еще ехать?

— Не более пяти минут... Позвольте, секунду.

Он протянул руки к белоснежной рубашке Александра, чтобы застегнуть пуговицу под выпирающими ключицами. На мгновение Каспар застыл, заметив шрам на открытом участке кожи. Взгляд его тут же погрузился. Покончив с пуговицей, он вернулся на место.

— Шрамы все не исчезают, — проговорил Александр тихо.

Каждый шрам, с сокрушением признавал Каспар, был плодом его бездействия, частью его неискупаемой вины. И хотя почти за десять лет службы он ни разу не позволил принцу получить какой бы то ни было вред, его тяготила

мысль, что многие страдания Александра оказались на его совести.

— К слову, ты не знаешь, как поживает преподобный Джордж?

Ответ последовал не сразу:

— Я не хотел вам говорить, но... Преподобного Джорджа уже полгода как нет в живых.

— Вот так, — кивнул Александр. Взгляд его не выражал ни сожаления, ни радости. — Интересно, бог похвалил его за кровавые обряды очищения?

— Не вспоминайте о них, и об этом человеке тоже.

Каспар осекся, испугавшись, не прозвучали ли его слова повелительно, но, к счастью, Александр никогда его ни в чем не упрекал и не указывал на ошибки в обращении к монаршим особам. Каспару было уже тридцать восемь, а хозяин уступал ему в возрасте почти на двадцать лет, но даже в мыслях он не мог себе позволить обратиться к Александру как к младшему или равному.

— Все это были сектантские обряды. И королева, увы... — Телохранитель оглянулся на принца и замолчал.

— Скажи это. Скажи, что она была сектанткой. Что двинулась на идее очищения с помощью страданий собственных детей. Вернее, только меня одного. Англиканская церковь до сих пор ее не простила. Даже после смерти.

— Простите, я зашел слишком далеко.

— Каспар, — Александр обернулся к нему и сделал то, чего сам Каспар никогда бы себе не позволил без острой необходимости: взял его за руку. — С кем, кроме тебя, я могу поговорить об этом? А поговорить мне хочется о многом.

Мысленно Каспар молил о том, чтобы их поездка окончилась сейчас же. Он сохранял невозмутимое выражение лица, но глаза предательски выдавали его волнение.

— Тогда я в вашем распоряжении, когда вы только пожелаете.

Исследовательский центр в молодом зеленом городке Gras-04 в пятидесяти километрах от Лондона не впечатлял своими масштабами и походил на небольшую больницу, усеянную окнами со светоотражающим голубым стеклом. На верхушках дюжины столбов вдоль дорожки, ведущей к дверям, развевались европейские флаги. На входе в здание гостей уже ждали владельцы центра и весь ассортимент их молодых сотрудниц.

«Как и ожидалось, ни одного мужчины», — отметил про себя Александр. Он вышел из машины вслед за Каспаром, оглянулся на свиту и одобрительно кивнул.

— Приветствуем вас, Ваше Высочество. Моника Хьюз, глава центра, приятно познакомиться. — Смуглая женщина сорока лет на вид пожала его руку, казалось, выжимая из себя все радушие, на какое была способна.

— Добрый день. — Александр формально улыбнулся ей.

— Как вам поездка?

— Удивительно красивые окрестности.

— Вечно цветущие, я бы сказала. Маленький рай, коих на нашей бедной планете осталось не так много. Пройдемте?

Внутри центр оказался куда приятнее, но гостей не покидало чувство, что они попали в просторный стальной бункер, заполненный искусственным светом. Двигаясь по коридору, Александр не нашел ни одного окна, но диковинные растения, встречавшиеся через каждые два метра, его успокоили.

Из застекленных кабинетов выходили сотрудницы, чтобы проводить их восхищенными взглядами. Все внимание, как и обычно, нехотя принимал Каспар. Женщины всех возрастов смущенно улыбались ему, подрагивая от желания пойти следом. И он не мог винить их в этом: Каспар был единственным привлекательным мужчиной, посетившим центр за последние полгода. Представителем вымирающего

вида. Но даже среди тех, кто выжил после болезни, или тех, кого она обошла стороной, почти не встречалось здоровых и душой, и телом, да еще и приятных глазу: Каспар же был высок и атлетически сложен, со светло-русыми волосами, зачесанными назад. Широкая челюсть, прямой нос, ясные голубые глаза, отливающие синевой, тонкие губы, легкая щетина и густые брови придавали его лицу суровое выражение, но все чувствовали от него глубоко спрятанную нежность, мягкость и вместе с тем — силу.

Александр же, будучи альбиносом, нередко своим внешним видом заставлял людей вздрагивать. Худощавый и невысокий, он, бывало, слышал неприятные шепотки о том, что выглядит так из-за болезни. Белые волосы, ресницы и большие сиреневые глаза в сочетании с высоким голосом сбивали окружающих с толку. И все же находились ценители его необычной внешности.

Моника заговорила:

— У нас нет ни одной свободной лаборатории. В некоторых из них работают студенты по обмену, но в основном наши сотрудницы — специалисты с многолетним стажем. Профессионалы в своем деле. Сейчас мы в основном изучаем возможность создания интеллекта, совершенно идентичного нашему. И речь вовсе не об искусственном интеллекте, нет! Это вчерашний день. Конечно, и о природе мы не забываем. Мы двигаем науку вперед, и для нас честь, что вы приехали проверить, как именно мы это делаем.

Они дошли до стеклянного лифта и спустились на нем на этаж.

— Нейроблок — наше творческое детище. Слегка отдаленное от науки, как может сначала показаться, но, как говорил Эйнштейн, воображение важнее, чем знания. Если бы не эта потрясающая способность нашего правого полушария, поверьте, наука не сдвинулась бы с места... Мы почти пришли.